

«ВЫШЕЛ СЕЯТЕЛЬ СЕЯТЬ...»

Приближается 130-летие со дня рождения известного русского писателя-демократа Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка, который, по словам М. Горького, «открыл нам целую область русской жизни». Широко известны его художественные произведения. Однако с эпистолярным наследием писателя широкая читательская аудитория по существу не знакома. В собраниях сочинений и в периодической печати опубликовано не более восьмидесяти его писем, в тени же осталось около тысячи. Они рисуют полный драматизм путь Мамина-Сибиряка в литературу, настроения русской демократической интеллигенции чуть ли не за полвека. Среди этих писем немало размышлений о нравственных ценностях.

Письма, выдержки из которых мы публикуем в этой подборке, ранее не печатались. Они хранятся в рукописных отделах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и Центрального государственного архива литературы и искусства.

30 января 1883 г. (Екатеринбург) *

Да, Николай ** совсем опустился и дошел до того градуса, где уже люди не поправляются, а началось это падение очень просто: от одной рюмочки и только от одной — заметь это! — потому что не пей он этой первой, не было бы последующих. А делается это очень просто: каждый молодой человек, когда пьет эту первую рюмочку, пьет ее не для собственного удовольствия, а из глупого самонадеяния, что ему от одной рюмочки ничего не сделается, а затем как же отстать от товарищей?.. Твои редкие письма напоминали то время, когда Николе тоже некогда было писать домой, и т. д. Ум в развитии запоя не имеет никакого значения, великие люди и умом и развитием, и сердцем гибнут так же от первой роковой рюмочки, как последние идиоты. Пишу все это для того, чтобы ты боялся, как огня, первой невинной рюмочки и разных «некогда», которые живут на одном дворе...

* Это и остальные письма адресованы младшему брату писателя — В. Н. Мамину.

** Старший брат Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Меня смущает далее то, что ты ровно ничего не пишешь в своих письмах о своих занятиях по университету, а только об одном французском языке. О последнем могу сказать только то, что никогда не пойму погони за двумя зайцами: не закончив немецкого языка, ты хватаешься за французский, тогда как именно немецкий язык — это золотой ключ к истории и филологии. Общее равнодушие нынешней учащейся молодежи к университетам, конечно, знамение времени, но все-таки как-то обидно мне, например, обидно за себя, что я так всегда рвался к чистой науке и за разными житейскими занятиями даже не мог понюхать этой науки.

...Кстати: в каждом деле прежде всего — точка опоры, известная почва под ногами. Так и занятие филологией и историей останется кимвалом бряцающим и медью звенящею (как у наших гимназических учителей), если не прилепиться к известному живому делу. Скажу про себя (не из самовосхваления, а потому, что мне ближе известно) — я только и свет увидал, когда стал заниматься историей и бытом Урала. Советую и тебе взяться за ту же тему: ее хватит на десятки лет и на сотни голов, а между тем она тебе даст всегда живое дело, которое всегда тебе пригодится. Пользуйся своим пребыванием в столице, где пред тобой открыты самые редкие издания, архивы и прочая благодать, чего в провинции не достанешь ни за какие коврижки.

Такой работы тебе хватает на целую жизнь, и ты скажешь мне за мой совет большое спасибо — все равно, будешь ли ты педагогом, публицистом, ученым, журналистом et cetera. Притом родина наша вторая мать, а такая родина, как Урал, тем паче. Припомни «Братца Антея» и русских богатырей, которые, падая на сырую землю, получали удвоятельную силу: это глубоко верная мысль. Время людей — космополитов и всечеловеков миновало,

нужно быть просто человеком, который не забывает своей семьи, любит свою родину и работает для своего Отечества.

Итак, берегись первой рюмочки и «некогда» и займись историей Урала пока, а там увидишь, что к этому необходимо будет присоединить и юриспруденцию, которой всегда советую заниматься, ибо сие есть кладезь всяческой премудрости, хотя тебе юристом по преимуществу быть и не надлежит.

27 ноября 1883 г. (Екатеринбург).

Ты не должен забывать о том, что у тебя есть мать, а также и то, что на свете есть такие между-человеческие отношения, которые называются долгом и обязанностью. Тебе «некогда» написать матери, которая для нашего образования даже при жизни отца умела обходиться без кухарки, а теперь работает за четверых и которая в особенности для тебя много делала и делает... Поэтому, вероятно, ты и платишь ей!.. Этакое одолжение, подумаешь, набросать в 2 недели пять строчек, на которые требуется 10 минут, и это в ответ на все наши широкоевещательные и многошумящие письма, которые можно мерять на вес. Твоя болезнь не оправдание, потому что я в прошлом году едва дышал, когда писал роман, а еще находил время писать тебе длинные письма... Это к слову пришлось, а не для самохваления. Из твоего поведения видно только то, что ты дурно относишься к матери, а из таких людей, поверь, никогда ничего не выходит: это против законов природы, и природа сама расправляется с такими выкидышами. Моим письмам можешь обижаться и можешь не обижаться, но я пишу тебе в последний раз, потому что... ну надо же пожалеть хоть чернила и бумагу. Притом сие чернословие нисколько не относится к нашим денежным расчетам, и я совсем пишу наставления не потому, что прилагаю к ним 35 р.

Если тебе потребуются еще и еще деньги на твое нездоровье — откажу никогда не будет, как на вся-

кое хорошее дело. Денежные расчеты не нужно смешивать с обычными человеческими отношениями.

До свидания! Остаюсь с слабой надеждой, что из моего брата, может быть, еще и не выйдет гениальный человек, которому везде по колено море.

Нехорошо, очень нехорошо, Володинька, поступаешь ты с мамой — запомни это.

8 марта 1882 г. (Москва).

Да, лето... Вот зимой сидишь в столице и ничего как будто, и лучше не надо, а как весна ударит — так и потянет из столицы — пропадай она, сия самая столица, а тебе только бы унести кости до зеленой травы, до сибирского леса, до гор. Удивительное дело, как пятнадцать лет назад, когда я в первый раз уезжал из Висима, так и теперь, кажется, ни за какие коврижки не променяю Урала. Вот поди ты с этой самой человеческой природой: так и тянет, так и тянет... Врачи объясняют это особенной болезнью, именуемой ностальгия, сиречь — тоска по родине, но я так полагаю: «может быть... а врут!» Это только потерянные и совсем бесшабашные люди утрачивают всякую связь со своей родиной: это самое лучшее и самое дорогое наше воспоминание.

...Ты жалуешься на сухость филологии, на казенное положение русских ученых... Милый мой, тебе предоставили величайшее право, право на самое блестящее образование, какое только могут дать наши университеты, а ты жалуешься на сухость науки, когда не прорушился в университете и двух недель... По-русски это называется проще: лень. Ты еще и не понюхал настоящей науки, а тебе уж скучно сделалось... Это называется тунеядством и разгильдяйством. Всякая наука требует, во-первых, труда, во-вторых, труда и, в-третьих, труда, а не того, чтобы разбирать, где легче. Уросливые лошади да разборчивые невесты делают так же. Тебе дана дорога — нечего, значит, дурить, а надо дело делать.

Выбрось-ка фанатерию из головы, да поменьше

слушай разных умных дураков, и займись серьезно своим делом на историко-филологическом факультете. У тебя в характере вообще в последнее время развилось какое-то детское самонадеяние и легкомыслие: то ты три новых языка в год хочешь выучить, то сочинение на медаль напишешь, то сочинить памфлет — это шатание из стороны в сторону пахнет мальчишеством, так рассуждать могут одни приголовишки. Посоветуйся ты о юридическом факультете с нами, да сначала поюхай филологии-то, ну, тогда другое дело, пожалуй, с тобой можно рассуждать было бы, как со взрослым человеком, а теперь одна хлестаковщина...

31 октября 1882 г. (Екатеринбург).

Милый Володик!

...Письмо твое... мы прочли с истинным удовольствием. Давно ли ты мальчонком едва мог отковырять пять-шесть строк, а теперь пишешь, как взрослый и развитый человек. Говорю спасибо Екатеринбургской гимназии, которая несмотря на свои недостатки, все-таки изрядно оболванила вас и привела в человекоподобный вид. Итак, спасибо за хорошее умненькое письмо, только в другой раз не старайся писать непременно все по-умному и по-остроумному — это не всегда удается, а пиши просто, что бог на душу положит.

Пока радуюсь, что срастаешься с Москвой, ибо она «мать в городах русских». Относительно мрачных взглядов твоих на студенчество скажу одно: смотреть с розовой точки зрения на студенчество, как и на многое другое, так же несправедливо, как и смотреть мрачно... Поживешь, увидишь и хороших ребят: они везде найдутся. Припомни притчу: «Вышел сеятель сеять...» ...Университет все-таки Alma Mater, поверь моей тридцатилетней опытности, и никому так не будешь рад, как старому университетскому товарищу...

Публикацию подготовил кандидат филологических наук М. КИТАЙНИК.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
Москва
31 ОКТ 1982